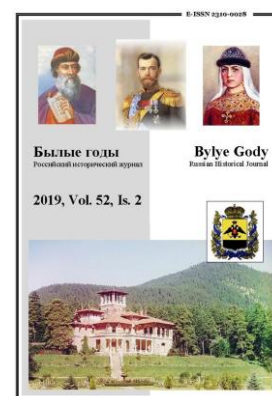

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 52. Is. 2. pp. 605-614. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.2.605
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Don Cossack at the Turn of Eras: St. Petersburg Diary of I.I. Krasnov (1819)

Artyom Y. Peretyatko ^{a, b, c, *}

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c American Historical Association, Washington, USA

Abstract

I.I. Krasnov was a famous Don public figure, a hero of the Crimean War, one of the first Cossack poets. Besides this, he was author of a detailed diary for 1817–1821, a unique source about the life and moods of the educated minority of the Don Cossacks in the era of Alexander I. The fact of the essence of this diary is known to historians, but its detailed analysis has not yet been conducted, and this article attempts to fill this historiographical gap.

The author shows that I.I. Krasnov was not like the image of the Don Cossack of previous years, characteristic of conservative historiography of the second half of the XIX century. The figure of the emperor had no sacred significance for him; religiosity of I.I. Krasnov was strong and sincere, but fairly free; art worried him no less, and perhaps more military service; finally, his relationship with girls appears far from chastity. The diary predictably contains sympathies for liberal ideas, and it explains why in the following decades the Imperial authorities tried to restore «patriarchalism» on Don, with caution regarding the development of education.

Keywords: I.I. Krasnov, the Don Cossacks, the traditions of the Cossacks, the life of the Cossacks, the Don intelligentsia.

1. Введение

Имя Ивана Ивановича Краснова известно любому человеку, увлекающемуся историей донского казачества, не говоря уже о профессиональных историках. Герой обороны Таганрога в Крымскую войну, лидер донских либералов-прогрессистов в 1860 гг., один из первых донских поэтов – уже младшие современники включали его в число наиболее выдающихся донцов XIX в. (Донцы, 2003: 237-239). Однако со времени победы на Дону советской власти фигура деда одиозного атамана П.Н. Краснова оказалась полузабыта, и если его и упоминали, то, как правило, с негативными комментариями, называя, например, «хищником», для которого «интересы своей мощны стояли выше всего» (Королев, 1991: 233). Только в годы перестройки известный донской историк В.Н. Королев посвятил роду Красновых главу в своей книге «Старые Вешки», не свободную от определенных неточностей, однако, без преувеличения, этапную в донской историографии (Королев, 1991: 190-255).

В.Н. Королев несколько раз упомянул дневник И.И. Краснова, относящийся к рубежу 1810–1820 гг. (Королев, 1991: 221). В это время еще совсем молодой офицер начинал свою службу в лейб-гвардии казачьем полку и, по-видимому, тщательно фиксировал впечатления от непривычной ему среды сначала Москвы, а затем и Санкт-Петербурга. С учетом сравнительной малочисленности первоисточников, описывающих донской быт этой эпохи, и тенденции к идеализации прошлого, характерной для позднейших поколений казаков, дневник И.И. Краснова должен был представлять

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Y. Peretyatko)

интерес как для раскрытия его собственной личности, сыгравшей заметную роль в истории Дона, так и для составления психологического портрета молодого казака конца правления Александра I. Однако В.Н. Королев не указал, где ему удалось найти такой интересный документ, а попытки его поиска в местных архивах не увенчались успехом. Только благодаря А.В. Захаревичу, коллеге покойного В.Н. Королева, нам удалось узнать, что последний обнаружил материал по Красновым в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки. И действительно, в этом архивохранилище оказалось достаточно много документов, связанных с семейством Красновых, однако большая их часть была изъята на спецхранение (очевидно, в связи с пособничеством П.Н. Краснова немцам в годы Великой Отечественной войны). Тем не менее, искомый дневник оказался в свободном доступе, и благодаря ему мы смогли взглянуть на Петербург эпохи Александра I, А.С. Пушкина, декабристов глазами донского казака.

Так о чем же писал в своем дневнике И.И. Краснов? Какое впечатление произвела столица Российской империи на совсем молодого офицера лейб-гвардии казачьего полка? И каким человеком был он сам, пришедший с Дона на берега Невы, младший современник героев войны 1812 г.? На эти вопросы мы и постараемся ответить в своей статье.

2. Материалы и методы

Основным источником для нашего исследования будет, разумеется, дневник И.И. Краснова. Однако до наших дней дошли только отдельные тетрадки из него, охватывающие обычно всего несколько дней. Поскольку самые ранние из этих тетрадок относятся к 1817 г. (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 1), а наиболее поздние к 1821 г. (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 15), причем за это время молодой казак успел побывать в обеих столицах, начать службу в гвардейском полку, и вообще на эти годы в значительной степени приходилось его становление как личности, не удивительно, что дневник производит крайне фрагментарный характер. Поэтому мы решили взять последний год, 1819, от которого дошло несколько тетрадок, когда И.И. Краснов по современным меркам либо уже был совершеннолетним, либо приближался к совершеннолетию, и выделить наиболее значимые сюжеты из тех, к которым он достаточно регулярно обращался на страницах своего дневника. Мы сочли интересным обратиться для сравнения к некоторым текстам младших представителей семьи Красновых, Н.И. Краснова и П.Н. Краснова, в которых рисуется образ казака прошлых лет и этот образ очень далек от их предка. В ходе этого сравнения мы будем, разумеется, использовать историко-сравнительный метод. Кроме того, нами будет использован метод историко-описательный, поскольку большую часть информации из дневника И.И. Краснова мы вводим в научный оборот впервые.

3. Обсуждение

Прежде всего, нужно отметить, что И.И. Краснов никак не мог считаться обычным казаком своей эпохи. Он родился в 1800 или 1802 гг., на стыке двух времен, и его сын, Н.И. Краснов, приводил следующую цитату из «записок одного современника» этих лет, возможно, своего отца: «До Платова – господствовало на Дону старинное житье-бытье, со всеми строгими требованиями патриархальности: точное посещение всех церковных служб от начала их и до конца; неукоснительное соблюдение постов; непременно поздравление служебных, уважаемых и родственных лиц с праздниками и именинами; молчаливое или разгульное препровождение времени в кругу семейств и близких родных. При Платове – стали являться некоторые нововведения в общественной жизни донцов: конские скачки и волтижирование; большие охоты на волков, зайцев и лисиц; народные праздники с призами на матчах и тому подобное. Иловайский – стал вводить разумное подражание жизни губернских городов, вечерние собрания, танцы, театральные зрелища...; при Иловайском также было поощрение всякому образованному донцу: в штабе его была лучшая наша молодежь – Сухоруков, Селиванов, Кушнарев, Кучеров, Колесников и другие университетские питомцы» (Краснов, 1875: 718). И действительно, А.В. Захаревич, работавший с формулярными списками донских офицеров 1800 гг., отмечает, что в них обычно содержатся пометы «неграмотен» или, в лучшем случае, «русской грамоте читать и писать знает, а остальных наук не умеет» (Захаревич, 2005: 67). Однако даже в среде донцов старшего поколения появлялись первые люди, скорее интуитивно, чем осознанно принимающие идеи эпохи Просвещения и желающие расширить свой кругозор, несмотря на зрелый возраст и высокие чины.

Одним из них был глава многочисленного клана Красновых, дед И.И. Краснова, генерал-майор Иван Козьмич Краснов. Хотя он не получил никакого образования и выучился грамоте на службе, уже в зрелом возрасте И.К. Краснов полюбил читать и даже составил одну из первых частных библиотек на Дону (Воспоминания..., 1873: 365-368, 372-373). Внук так описывал досуг своего деда: «Более всего он проводил время в чтении. Когда уставал читать сам, то заставлял читать кого-нибудь из нас. Припоминаю, что он с особенным вниманием слушал, когда читали ему две книги: «Конституция Англии» и «Вольтерианцы, или история о якобинцах»; видно, его занимало желание ближе ознакомиться с движением умов в Европе и с управлением одной из сильнейших держав ее» (Воспоминания..., 1873: 374). Разумеется, такой человек не мог не озаботиться о том, чтобы его родственники получали хорошее образование, и, не доверяя Новочеркасской гимназии, он даже

организовал домашний пансион, единственным свидетельством существования которого, к сожалению, остались слова все того же И.И. Краснова: «Сначала был у нас учителем один молодой казак Букановской станицы, Авиллов; а после приехал один из старших братьев наших из Одессы, кончивший курс воспитания в Ришельевском лицее. Не могу не сказать несколько слов об этом молодом человеке, который, при отличном образовании, говорил свободно на трех иностранных языках – явление на Дону в тогдaшнее время единственное» (*Воспоминания...*, 1873: 365-366). Продолжил свое обучение И.И. Краснов в пансионе при Харьковском университете, однако об этом периоде его жизни известно еще меньше, только то, что молодой казак «хорошо изучил иностранные языки, историю философии и русскую литературу» (*Донцы*, 2003: 237).

И все же, хотя И.И. Краснов не был обычным, среднестатистическим казаком своего времени, рассматривать его фигуру как нечто исключительное в истории Дона было бы неправильно. Именно в 1810–1820 гг. в среде донского казачества начал складываться круг хорошо образованных людей, часто получавших образование за пределами войска. Самым известным представителем этого круга, бесспорно, был историк В.Д. Сухоруков, корреспондент А.С. Пушкина, участник движения декабристов и автор признанного шедевра донской историографии – «Исторического описания Земли Войска Донского» (*Коршиков, Королев*, 2001: 7-18). Однако к нему относился и А.П. Чеботарев, друг И.И. Краснова, которого «Русский биографический словарь» характеризовал следующей сентенцией: «В своем доме Чеботарев группировал многих выдающихся людей своего времени, каковы его приятели, казацкие генералы: Краснов и Бакланов, а также литераторы: Греч и Кукольник и композитор Глинка. Чеботарев был знаком с Пушкиным и Жуковским» (*Русский биографический словарь*, 1905: 73). Несколько младше был родившийся вскоре после завершения Отечественной войны 1812 г. А.А. Леонов, на стихотворения которого довольно доброжелательную рецензию написал сам В.Г. Белинский (*Белинский*, 1953).

Таким образом, И.И. Краснов был одним из первых европейски образованных казаков, любителем философии и литературы, выросшим, однако, в местах, где даже офицеры и чиновники были неграмотны. Он был плотью от плоти этих мест, и в его дневнике есть почти смешные в своей наивности проявления любви к далекому Дону. Вот что, например, писал он о Волковом поле в Санкт-Петербурге: «Я остановился и посмотрел на Лазареву рощу, которую я люблю душевно, и на Волково поле, которое своей обширностью напоминает мне милую родину, – и поехал по Волкову полю. Рощи, которые на конце его виднеются, придают ему вид, похожий на наши поля, и если бы еще кое-где проглядывал наш Хопер и возвышались наши горы!» (*ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 12. Л. 3 об.*). Но многие другие замечания выдаются в нем человека, уже далекого от патриархальности, человека даже не эпохи Просвещения, но бурного и революционного XIX в. Теперь, после этого необходимого предисловия, мы можем остановиться на некоторых сюжетах из его дневника подробнее.

Казак и император.

Миф о природной преданности казаков российским императорам активно культивировался в дореволюционной монархической историографии, и заметный вклад в него внес уже упомянутый нами внук И.И. Краснова, П.Н. Краснов. В изданной в 1909 г. по указанию властей книге «Картины былого Тихого Дона» он писал о донцах прошлых лет: «Их сила была в горячей любви к Тихому Дону, в твердом исполнении заветов предков, в служении Царю по обычаю отцов и дедов» (*Краснов*, 1909: 520). Однако дневник его собственного деда не содержит даже следов подобного несколько нарочитого монархизма.

Александр I несколько раз появляется на страницах этого дневника в качестве эпизодической фигуры, к которой И.И. Краснов относится без особенного уважения. Например, достаточно развернутый эпизод связан с парадом 6 января 1819 г., после которого император выразил войскам свое неудовольствие. «Царь был сердит чрезвычайно и всем недоволен. После сего отдал он строгий выговор всем почти полкам, а в особенности обер-офицерам. Но это никак не от того, чтобы вся гвардия испортилась в треть года; может быть, посторонние сердечные неудовольствия тому причиной, а может быть, он узнал о смерти или по крайней мере о опасной болезни любимой сестры своей» (*ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 10. Л. 3*). Как мы видим, к царскому гневу И.И. Краснов относился со здоровым скепсисом, а сам Александр I предстал в его дневнике, скорее, капризным начальником, чем сколько-либо сакральной фигурой. Вообще И.И. Краснов словно десакрализирует всю царскую семью, описывая ее подчеркнуто просто, так же, как и семьи своих знакомых: например, императрица и великая княгиня во время парада в его глазах «чрезвычайно милы», и молодой казак уделяет их описанию больше места, чем описанию самого монарха, даже специально отмечая, во что они были одеты, но эти описания ничем не отличаются от описаний других женщин и девушек (*ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 10. Л. 2 об.*).

По долгу службы И.И. Краснов стоял и в карауле в Зимнем Дворце. С почти детской непосредственностью он пишет, что «в первый раз ставили в августе месяце, я почти целый день продремал тогда» (*ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 10. Л. 3 об.-4*). Охрана высочайшей особы не вызывала у донского офицера никаких чувств, кроме скуки. Свой второй караул он решил описать подробно, и это описание столь образно и показательно, что мы приведем его целиком. «После обеда стала у

меня давить портупея, а к вечеру сапоги. Портупею я отпустил, а сапоги давили всю ночь. До третьего часа читал я книгу «Милый гость» Лафонтенову, но боялся, как бы зараз не прочесть. От 4 до 12 часов кончил я уже три части, осталась одна, и я ее читал пополам с проходкой и с казачьими рассказами. В 4 часу я немножечко вздремнул, оттого, что 4 часов царствовала во дворце глубокая тишина. Ничто не шевелилось, и часовой казак, упустивши саблю, наделал шуму на весь дворец, гул отозвался во всех коридорах его. В 4 часу начали топить печки, начали шататься люди. Сон у меня прошел, и сапог стал не так давить ногу. В шестом мы все отправились в депо и обчистились как должно. В 8 пришел ко мне полковой адъютант. Я ему рад был как бы родному брату, пришедшему с дальней стороны навещать меня. Весь десятый час прошел в каком-то радостном ожидании; ах, как мы рады были, когда увидели смену, и с каким восхищением вышли вон в последний раз» (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 10. Л. 4).

П.Н. Краснов утверждал, что посещение членами царской семьи Земли Войска Донского всегда было «великим праздником для Дона» (Краснов, 1909: 450). Однако для образованного меньшинства донской элиты начала XIX в. подобное отношение к царской власти, судя по дневнику его деда, было совершенно не характерно. С учетом этого становятся ясны и близость В.Д. Сухорукова к декабристам, и неоднократно отмечавшаяся историками терпимость донских властей к самому опальному В.Д. Сухорукову (Королев, 1991: 226-227). В дневнике И.И. Краснова нет и следов симпатий к революционным настроениям или республиканским взглядам. Тем не менее личность императора не вызывает у молодого казака, по сути, никаких чувств, и даже почетная, но скучная охрана императорской особы превращается для эмоционального юноши в настоящее мучение.

Казак и религия.

Однако было бы неверно считать И.И. Краснова легкомысленным молодым человеком, интересующимся только светской жизнью и искусством. Дореволюционные авторы консервативного направления, кроме любви к царю, выделяли и другую особенность казачьей психологии – искреннюю религиозность, и, например, М.Х. Сенюткин вкладывал в уста обобщенных донских казаков следующую фразу: «Мы холопы твои, готовы сложить головы за православную веру и за тебя, Государь!» (Сенюткин, 1866: 160). И действительно, Религия (часто с большой буквы) занимает в дневнике И.И. Краснова существенное место, а своеобразным идеалом в этом отношении для него служит отец одного из товарищей, Осип Иванович. Любопытно, что у молодого офицера, пришедшего в гости к сослуживцу, не только не вызывает протестов желание малознакомого «старика» поговорить о Библии, но и напротив, И.И. Краснов замечает: «Счастлив бы я был, если бы почаще можно было слышать такие рассуждения. Мне кажется, что вся душа его исполнена Богом, что все поступки располагает он не по суетному разуму человеческого, но по своей вере» (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 11. Л. 4).

Но религиозность образованного казака была далека от патриархальной. В его дневнике встречаются далеко неоднозначные моменты: то он уходит из церкви во время чтения ектеньи, опасаясь «большого греха» из-за «противного чтения» (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 10. Л. 1), то рассуждает с товарищами о самоубийстве, ругая самоубийц не за нарушение заповедей, но за «слабость» (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 11. Л. 3 об.). Особый интерес у И.И. Краснова вызывают трактовки библейских притч, порой далекие от общепринятых (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 11. Л. 4). Любопытно, что в большинстве мест Бог и Религия упоминаются без всякой связи со священниками и только иногда связываются с элементами церковного обихода, вроде упомянутой выше ектеньи или певчих (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 10. Л. 2 об.).

Но, пожалуй, интереснее всего в дневнике И.И. Краснова связь Бога и императора, связь сложная и неоднозначная. Описывая упомянутый выше парад 6 января 1819 г., молодой офицер замечает следующее: «Из всех парадов наших я почитаю один только сегодняшней. Он освящен религией самой. Православный царь с христоробивым воинством выходит для отдания чести святыне на Иордане. Он командует здесь парадом, как генерал; так и должно быть: он генерал Всевышнего» (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 10. Л. 1 об.). Таким образом, все другие парады не вызывали у И.И. Краснова особого восторга как относящиеся исключительно к светской власти и не имеющие сакрального смысла. «Православным царем» император становился только тогда, когда его действия были напрямую связаны с религиозной традицией.

Впрочем, и в этом случае Александр I представал скорее в роли исполнителя символической функции, а не символической фигуры. Символы И.И. Краснов искал, возможно, в другом месте: в его дневнике с подчеркнута обыденным описанием царской семьи, гнева Александра I на гвардейские полки и одежды великой княгини соседствует восторженное описание прекрасного петербургского зимнего дня. «Было тепло, солнце светило, и притом снег прошлой ночи выпал изрядный; не было ни грязи, ни луж. <...>. Вид был очень хороший, все было велико и торжественно. Певчие пели, музыки играли, били в барабаны, трубили и все на свете. Природы сами благоприятствовали этому. Такого прекрасного дня давно у нас не было. <...>. Ни один парад так мне не понравился, как этот Крещенский. Я был так весел, так доволен, как в театре при представлении Синдриллионы» (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 10. Л. 2-3). Считал ли казак, что хорошая погода была послана свыше? Возможно, да; во всяком случае, в другом месте он без комментариев приводил мнение упомянутого выше Осипа

Ивановича о том, что «мы действуем по предопределению, которое слушает одни молитвы и покаяния» (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 11. Л. 4 об.). В любом случае, образ царя как «генерала Всевышнего» так и не получил в дневнике И.И. Краснова развития, и подъем духа молодого казака после крещенского парада оказывался связан с «природами», с совершающими службу священниками, даже с «чрезвычайно милыми» женщинами из царской семьи, но не с Александром I. Возможно, И.И. Краснова огорчило поведение императора, явно не впечатлившегося торжественностью момента и объявившего упомянутый выше незаслуженный выговор гвардии. Записывающий свои ощущения и не рефлексирующий над ними молодой человек так и не сформулировал до конца связанные с этим мысли, но, на наш взгляд, важная для него символическая фигура «православного царя» не слилась с реальным Александром I, и в итоге свои религиозные рассуждения И.И. Краснов связал с зимней природой Санкт-Петербурга.

Гораздо яснее донской казак формулировал свои чувства от религиозной живописи. Но и здесь его привлекали не иконы, а картины западных художников в Эрмитаже. Особенно нравилась ему трактовка образа Христа П. Рубенсом: «Лицо Иисуса божественно, и во взоре, обращенном на книжников, премудрость и строгость, а лица спутников самые смиренные. В том – необузданная гордость, в другом – досада, что посрамили его, третий разинул рот, и все это в сравнении с Божественным учителем смешно и стыдно» (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 11. Л. 6).

Нам остается констатировать, что для молодого И.И. Краснова была характерна искренняя и горячая религиозность, и даже те элементы оставляющей его в целом равнодушной монархии, которые были связаны с христианством, трогали глубинные струны в душе казака. Но эта религиозность не имела ничего общего с той патриархальной религиозностью, которую позднее приписывали казачеству консервативные авторы. И.И. Краснов видел образ Христа в картинах П. Рубенса, считал императора «генералом Всевышнего» только на парадах в честь церковных праздников и вел, как мы увидим ниже, достаточно свободный образ жизни.

Казак и искусство.

Обращение к картинам П. Рубенса для И.И. Краснова было далеко не случайным. Он неоднократно посещал Эрмитаж и описывал его в следующих взволнованных строках: «Ах, Бог ты мой! Сколько можно получить удовольствия в два часа. Но два часа пролетели так быстро, что показались прелестнейшим мгновением. Я растерял все глаза, и чрез глаза эти столько влилось сладостных мыслей в душу мою» (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 11. Л. 5).

Безусловно, с точки зрения современного искусствоведения отношение донского офицера к изобразительному искусству было несколько наивным. Он детально описывал изображенное на картинах, интересуясь в большей степени их сюжетом, и порой высказывал откровенно анекдотические умозаключения. Так, хотя его ничуть не возмущали языческие темы, свое описание, например, одного из живописных воплощений Парисова суда¹ он завершал следующей сентенцией: «Я бы отдал яблоко Минерве, потому что в ней одной стыдливость, приличная женскому полу. Юнона по крайней мере закрылась, а Венера хуже Купидона открыта» (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 11. Л. 6 об.). Подобное личное отношение к героям картин, выбор из их числа симпатичных и несимпатичных вообще крайне характерно для дневника И.И. Краснова. При этом им часто откровенно двигали симпатии и антипатии: например, описывая портрет «двух миленьких барышень Геразовых», он признавал, что их лица «восхитительны», однако далее с неодобрением писал о слишком «новой и чистой», явно дорогой одежде (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 11. Л. 6 об.).

Тем не менее отношение И.И. Краснова к живописи не было отношением дилетанта, ищущего в картинах только знакомые сюжеты и прелестных девушек. Пришелец с Дона искренне пытался понять, в чем же именно заключались достоинства тех или иных сокровищ Эрмитажа. С учетом описанного выше внимания к сюжетам понятно, что легче всего ему это удавалось, если замысел художника предполагал психологические элементы. Кроме примера с четким противопоставлением «премудрого и строгого» Христа «смешным и жалким» книжникам на картине П. Рубенса, заслуживает внимания анализ Н.И. Красновым «вернетовых ландшафтов» (очевидно, картин К.Ж. Верне). Описывая картину бури, казак особое внимание уделил лицам, застигнутым ей, отмечая, что художник передал не только скорбь и отчаяние людей, но и их надежду на спасение (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 11. Л. 5 об.). Зачастую И.И. Краснов восхищался психологическим мастерством авторов тех картин, неприязни к героям которых он не мог преодолеть. Так, он считал образцовым изображением П. Рубенсом бешенства и пьянства, «которые даже производили омерзение» (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 11. Л. 6). Приведем описание еще одной картины П. Рубенса, произведшей на И.И. Краснова огромное впечатление. «Рубенсово бешенство превосходно. Свирепый злодей с запекшимися губами, с красными, огромными глазами, с видом, от которого мороз по коже подирает, заносит меч на спящего невинного младенца. Какая противоположность!» (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 11. Л. 6).

¹ Выбор древнегреческим героем Парисом прекраснейшей из трех богинь (Афины, Геры, Афродиты, или в латинской традиции – Минервы, Юноны, Венеры), повлекший из-за ревности поражение в Троянской войне.

В том случае, если достоинства картины не имели ничего общего с психологией, И.И. Краснову было куда тяжелее. Он пытался отмечать «чистоту работы» и «чрезвычайную красоту» некоторых изображений, однако ему явно не хватало слов, чтобы в полной мере передать свои ощущения (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 11. Л. 5-5 об.). В этом отношении показательно как раз отношение казака к «Геразовым барышням»: он особенно выделил эту картину из числа увиденных им, однако так и не смог написать о ней ничего, кроме пары мыслей о запечатленных на ней героинях.

Заслуживает внимания также то, что из всех художников И.И. Краснов особенно выделял П. Рубенса и Ж.К. Верне. Первый, судя по приведенным выше цитатам, нравится молодому донцу своим психологизмом, а второй – атмосферностью и эмоциональностью пейзажей. Рафаэль, картины которого хотел посмотреть спутник И.И. Краснова во время одного из походов в Эрмитаж, вызывал у донского офицера куда меньше эмоций. В дневнике описана только одна из его картин, «какой-то мученицы с бледным и смиренным лицом», и из-за того, что зал с большим количеством картин Рафаэля оказался закрыт, И.И. Краснов, по-видимому, не расстроился (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 11. Л. 5 об.-6).

Любопытно, что любовь И.И. Краснова к живописи проявлялась не только в посещении Эрмитажа. Он раздумывал над тем, чтобы купить картины себе домой, хотя и жил на съемной квартире. Однако здесь ему мешала разборчивость: доступные по цене работы казались ему малопривлекательными, а та, что понравилась, стоила 3 000 руб. На ней был изображен «Наполеон с генералами своими» (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 11. Л. 7 об.). Подобный выбор особенно интересен в связи с тем, что любимый дед И.И. Краснова, упомянутый выше И.К. Краснов, был убит в Отечественную войну 1812 г. (Королев, 1991: 226-227). Нужно заметить, что далеко не все земляки молодого офицера проявляли подобную терпимость к иностранным влияниям в искусстве. Друг и корреспондент И.И. Краснова, И.С. Ульянов, в 1829 г. сетовал на некоего Дмитриева, посвятившего свои литературные произведения все тому же Наполеону, и писал дословно следующее: «Если бы господин Дмитриев был бы благоразумнее в выборе, то он взял бы предметом песнопения не Наполеона, а одного из героев отечественной истории» (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 13 об.). Однако И.И. Краснов, очевидно, был совершенно чужд подобного национализма. Как мы видели выше, он предпочитал иностранных художников, а уже в зрелом возрасте современники отмечали, что его любимыми поэтами были Ф. Шиллер и И. Гете (Королев, 1991: 222).

Помимо живописи и литературы, молодого казака привлекала и музыка. Он играл ее сам (к сожалению, в дневнике не указано, на каком инструменте), а его брат Семен был одним из первых донских композиторов-дилетантов, и летом 1819 г. написал вариации «Выходя на реченьку», впрочем, очевидно, не снискавшие особенного успеха: о них говорится только то, что играть их было «почти не можно» из-за трудности (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 12. Л. 3). В целом, вопросы искусства волновали И.И. Краснова куда больше службы, и писал о них он так же восторженно, как и о религии. Безусловно, в отношениях пришельца с Дона с столичным и зарубежным искусством было много наивного, а его любовь к «прекрасным» картинам была любовью неопита, открывающего для себя новый, почти не известный на его родине мир. И все же дневник И.И. Краснова показывает, что обращение его автора к поэзии не было случайностью или проявлением стихийного таланта. Искусство было для юного лейб-гвардейца важнейшей, хотя и не всегда понятной сферой жизни, постоянно манящей его, и здесь тоже можно наблюдать разрыв с патриархальными традициями и малограмотным старшим поколением донских казаков.

Казак и девушки.

Пожалуй, именно любовные и околоромантические сюжеты дневника И.И. Краснова описаны наиболее живо и вызывают наибольшую симпатию к автору. В них снова нет никакой патриархальной целомудренности и религиозности, скорее напротив, блестящий гвардеец пытается казаться циничнее, чем есть на самом деле. Вероятно, в этом сказывалось влияние среды: так, один из сослуживцев хвастался перед И.И. Красновым письмами своей любовницы, «посвятившей себя тайному служению Венере» (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 12. Л. 2). Сам И.И. Краснов был не против подобных же амурных приключений и неоднократно ездил по городу в надежде «увидеть хорошенькую» (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 12. Л. 3). Однако то ли из-за неопытности, то ли из-за волнения с ним все время происходили какие-то злоключения, с долей юмора описанные в дневнике. Например, однажды И.И. Краснов «поехал по Смоленской», рассчитывая, что барышни будут смотреть за ним из окон. Однако ни одна девушка не удостоила его своим вниманием, и закончив свой променад, казачий офицер возрадовался этому: оказалось, что у него седло съехало назад, а он и не заметил (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 12. Л. 3 об.). В другой раз донцу повстречалась, наконец, «хорошенькая», но он, как назло, был на той своей лошади, которую описывал как «крепко некрасивого бурку», и поэтому молодой человек «за благо иссудил проскакать мимо нее пошибче» (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 12. Л. 4).

Впрочем, когда И.И. Краснову улыбнулась, наконец, удача, и его ухаживания были восприняты благосклонно «хорошенькой Пелагеей», судя по всему, родственницей одного из сослуживцев, это вызвало у него, скорее, удивление, чем радость. «Были у нас порядочные амурсы, и, удивительнее всего, она мне отвечала на оные» (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 11. Л. 3-3 об.). Пожалуй, подобное легкомыслие со стороны девушки вызвало у донского казака, скорее, неодобрение, что переключается

с его оценкой древнеримских богинь с картины Парисова суда. «Она хороша, но крайне ветрена; это зло было бы не лихо большой руки, но, кажется, немного дурно воспитана. Это причина, по которой я могу смело волочиться за ней; потому что от этого не выйдет бед ни мне, ни ей» (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 11. Л. 3 об.). Как мы видим, Пелагея была интересна И.И. Краснову, скорее, как объект для ухаживания, а ее личность не вызывала у казака каких-то эмоций. Но легкомысленные забавы петербургской молодежи привлекали гвардейского офицера, и он хотел амурных побед.

Однако на страницах его дневника есть и девушка, о которой молодой человек пишет совсем иначе. Из-за фрагментарности уцелевшей части текста не вполне ясны ее статус и социальное происхождение, но звали ее Каролиной и встречался с ней И.И. Краснов у своего полкового командира, В.В. Орлова-Денисова. «Я опять провел в разговорах с Каролиной приятнейших минут пять, больше не можно было, но ожидаю доброго часа. Премилая девушка! Я не знаю..., какое-то удивительное участие сердце мое берет в ней. <...>. Она не хороша, при том у нее болит правый глаз, но это забываешь в минуту, видишь ум только и ее неочтенное сердце» (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 12. Л. 1 об.). Ей посвящено одно из самых неоднозначных мест дневника: однажды И.И. Краснов поехал в другую часть Санкт-Петербурга, и там всю ночь бродил по саду. «Ночь имеет прелести необыкновенные. Я ходил, задумавшись, мечтал кое о чем, вспоминал про разное и вспомнил Каролину. Она мне хвалилась, что иногда прогуливается в полночь по саду: как бы хорошо было, если бы это было сегодня! Как хорошо в такую прекрасную ночь поговорить с такою девушкой» (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 12. Л. 2 об.). На наш взгляд, трудно представить, чтобы И.И. Краснов абсолютно случайно всю ночь пробродил по тому же саду, по которому иногда гуляла Каролина. Скорее, он отправился туда осознанно, надеясь на встречу с ней, но почему-то даже в дневнике не стал писать об этом. Возможно, на фоне цинизма товарищей, хвастающихся письмами от любовниц, ему было стыдно признаваться в том, что он всю ночь провел под окнами некрасивой девушки; или, может быть, сама попытка встретиться с Каролиной ночью представлялась столь высоко ценящему женскую стыдливость казаку чем-то неприличным, и он надеялся обставить такую встречу случайностью. Ни о каких «амурах» или «волочении» за Каролиной в дневнике, конечно, нет и речи, И.И. Краснов позволяет себе только мечтать, как «я гуляю с моею милою дома» или как «мы в Лазаревой роще будем завтракать» (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 12. Л. 3 об.).

Снова дадим слово младшему представителю семейства Красновых, на сей раз сыну И.И. Краснова, Н.И. Краснову. Отмечая традиционно низкий статус женщин на Дону, он писал в одном из своих сочинений: «Донские казаки усвоили себе понятие, что женщина есть низшее создание, немного умнее домашнего животного» (Краснов, 1884: 18). Безусловно, со временем статус женщины повышался, но, как мы видим, в дневнике И.И. Краснова Каролина вообще выступает в качестве своеобразного идеала, девушки умной и с прекрасным сердцем. Да и к своим объектам для ухаживаний, «хорошеньким», гвардейский офицер относится хотя и без подобного восхищения, но более чем благожелательно, стараясь выбирать для романов таких, которые сами не против ухаживаний и не будут иметь от этого проблем. Более того, несмотря на уважение к женской стыдливости, И.И. Краснов отмечал даже в любовнице одного из своих товарищей «порядочное воспитание» (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 12. Л. 2). Точнее всего будет сказать, что он не презирал легкомысленных женщин, но с особым уважением относился к тем представительницам прекрасного пола, которые вели себя целомудренно. В этом еще можно видеть определенный пережиток патриархальности, однако в целом и здесь дневник И.И. Краснова демонстрирует разрыв с историческими донскими традициями.

4. Заключение

Через пятнадцать лет после написания И.И. Красновым его дневника, Николай I напутствовал нового донского атамана, М.Г. Власова, такими словами: «Я люблю казаков, но не желал бы видеть их не казаками: надобно, чтобы на Дон не доходила никакая реформа ни в правах, ни в обычаях, ни в самом служении. Пускай казаки останутся славными казаками Отечественной войны двенадцатого года» (Volvenko, 2015: 109). Военный министр А.И. Чернышев также не оставил атамана своими попечениями и вручил ему специальный приказ с перечислением важнейших задач, стоящих перед донской администрацией. Был в этом приказе и пункт о «патриархальности как главной основе всех стремлений донского начальства», причем устно министр так разъяснил его: «Ученых уже и у вас много, и желать их больше не нужно, а надобно желать побольше старинной доброты да старинной простоты» (Volvenko, 2015: 109).

И действительно, распространение на Дону образования и европейских идей привело уже к 1820 гг. к неожиданным для имперской власти последствиям. Неоднократно упоминавшийся нами В.Д. Сухоруков основал в декабре 1825 г. в Новочеркасске литературное общество, которое ряд историков трактует как связанное с декабристскими организациями (Коршиков, 2005). В это общество оказались втянуты люди из круга атамана А.В. Иловайского, и сообщивший о его существовании доносчик так писал об этом: «Дежурный штаб-офицер Шумков и командир артиллерийской роты Поляков, к коим атаман имеет неограниченную доверенность, суть искреннейшие друзья Сухорукова. Сын атамана Н. Иловайский пред сим, кажется, вызванный на

Дон, имеет также дружеские связи с Сухоруковым; Кушнарев, Кучеров и Колесников, коренные друзья Сухорукова, находятся по особым поручениям атамана и пользуются атаманской доверенностью. Письмоводитель Марушенков, помощники его Петровский и Селивановский обязаны Сухорукову во многом и почитают его своим покровителем и наставником. Адьютанты атаманские также имеют к Сухорукову уважение и привязанность» (Коршиков, 2005). Да и сам А.В. Иловайский в 1826 г. вступил в конфликт с А.И. Чернышевым, требуя, помимо прочего, чтобы разработка нового «Положения об управлении Донского Войска» велась с участием выборных депутатов, так как «члены, избранные всем войском и облеченные доверием всего общества, знали бы пользы его и внутреннее положение вернее и точнее, нежели назначенные по выбору кого-либо» (Краснов, 1875: 706). А.И. Чернышев ответил на подобное заявление развернутым письмом, в котором писал, что А.В. Иловайский «присвоит небывалое в России право избрания доверенных членов общества или народных представителей, которые бы, составляя для себя законы, находились бы в непосредственном отношении к государственному совету; себе же лично наименьшее «правительство». В государстве, где всякий закон и всякое начальство проистекают от единой, самодержавной власти государя, подобные присвоения и даже самые мысли об оных не должны быть терпимы, наипаче в лице начальника военной области, где безмолвное повиновение есть существенная основа всех действий» (Краснов, 1875: 711). В итоге А.И. Иловайский был отдан под суд за «внезапно» открывшиеся злоупотребления и отправлен в отставку (Краснов, 1875: 717). Понятно, что после этого император и военный министр желали видеть Дон возможно более патриархальным, чтобы демократические и революционные идеи в казачьей среде исчезли.

И дневник И.И. Краснова наглядно демонстрирует, что страх имперской власти перед тем, что образование разрушит патриархальные устои Дона, был более чем обоснован. Мы имеем дело с документом, принадлежащим не человеку из круга декабристов, а будущему командиру лейб-гвардии казачьего полка в годы правления все того же Николая I. Тем не менее, персону императора для него лишена сакральности, религиозные вопросы он трактует достаточно свободно, искусство влечет молодого казака больше военной службы, а его отношения с девушками далеко не целомудренны. Не удивительно, что при подобном современном, в смысле отсутствия всякой патриархальности, стиле мышления И.И. Краснов порой задавал вопросы, которых житель «военной области, где безмолвное повиновение есть существенная основа всех действий» задавать никак не должен был. Приведем цитату, ярко демонстрирующую, например, его сочувствие к низшим сословиям Российской империи и возмущение солдатской службой: «Три человека, служащих в будке, сменяются три раза в день. Столь малое жалование, трудная служба и подчинение крючком заставили меня пожалеть о них, но будочник, напротив, сказал, что фрунтовая служба и еще хуже. Боже мой, человек, сидящий в углу маленькой темной лачужки, в которой должен пригнать голову, предпочитает свою жизнь солдатской. Что же значит солдат? Защитник отечества, вечно льющий за него кровь и пот кровавый?» (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 10. Л. 2). Подобных мест в дневнике И.И. Краснова совсем немного, поэтому мы не останавливались на них специально, однако, на наш взгляд, они показывают, что либеральные идеи были востребованы в среде донской образованной молодежи уже в 1820 гг., что и объясняет популярность в этой среде В.Д. Сухорукова. Интересно отметить и то, что преданность подобным идеям И.И. Краснов пронес через всю свою жизнь, и уже в старости, в 1860 гг., был, как мы писали в начале своей статьи, лидером донских либералов-прогрессистов.

Однако является ли дневник И.И. Краснова репрезентативным не только для взглядов немногочисленного первого поколения по-настоящему образованных донцов, но и казачьей массы первой половины XIX в.? Хотя в этом дневнике и чувствуется связь с Доном, тоска по дому и любовь к родному краю, специфически-казачьего в нем крайне мало. С нашей точки зрения, подобный дневник мог бы принадлежать выходцу из любой губернии Российской империи, образованному дворянину, приехавшему служить в Санкт-Петербург, и от этого поменялись бы только названия упоминаемых И.И. Красновым местных рек. В этой связи интересно отметить, что донские консерваторы жаловались на оторванность богатейших донских дворян от казачьих реалий, на своеобразное предательство ими донских интересов. Дело доходило до прямых обвинений, и, например, А.М. Дондуков-Корсаков, идейный оппонент И.И. Краснова в 1860 гг., писал: «Странно слышать в обществе выражение, что казаки «хотят того-то» или «тяготятся тем-то», когда знаем, что мнения эти подчерпнуты из слов какого-нибудь богатого помещика или служащего, никогда не живущего на Дону, или молодого офицера, считающего лучшим средством доказать свое образование и современные понятия порицанием идеи казачества» (Карасев, 1896: 587). Собственный дневник И.И. Краснова показывает, что в подобных обвинениях была доля истины, и уже в 1810 гг. начался раскол донской элиты на патриархальную основную массу и хорошо образованное меньшинство, получающее образование за пределами Войска Донского, и поэтому часто либерально настроенное и лишенное специфического казачьего патриотизма.

Литература

- Белинский, 1953** – *Белинский В.Г.* Стихотворения Алексея Леонова // Полное собрание сочинений. Т. III. М., 1953. С. 231-234.
- Воспоминания..., 1873** – Воспоминания старого донца. Из посмертных записок генерал-лейтенанта Краснова // *Военный сборник*. 1873. №12. С. 363-380.
- ГАРО** – Государственный архив Ростовской области.
- Донцы, 2003** – Донцы XIX века. Ростов-на-Дону, 2003. 599 с.
- Захаревич, 2005** – *Захаревич А.В.* Донские казаки в боях с горцами на Северном Кавказе на начальной фазе оборонительного периода Кавказской войны. Ростов-на-Дону, 2005. 220 с.
- Карасев, 1896** – *Карасев А.А.* Записка князя А.М. Дондукова-Корсакова о Земле Войска Донского // *Русский архив*, 1896. Кн. 12. С. 569-591.
- Королев, 1991** – *Королев В.Н.* Старые Вешки. Повествование о казаках. Ростов-на-Дону, 1991. 464 с.
- Коршиков, Королев, 2001** – *Коршиков Н.С., Королев В.Н.* Историк Дона В.Д. Сухоруков и его «Историческое описание Земли Войска Донского» // Сухоруков В.Д. Историческое описание Земли Войска Донского. Ростов-на-Дону, 2001. С. 7-18.
- Коршиков, 2005** – *Коршиков Н.С.* «Литературные собрания» Сухорукова // *Донской Временник*. 2005. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2753&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 27.03.2019).
- Краснов, 1875** – *Краснов Н.И.* Алексей Васильевич Иловайский, атаман Войска Донского // *Русская старина*. 1875. Т. XII. С. 701-718.
- Краснов, 1884** – *Краснов Н.И.* Тяжкий грех Булавина (из времен царя Алексея Михайловича). Новочеркасск, 1884. 24 с.
- Краснов, 1909** – *Краснов П.Н.* Картины былого Тихого Дона. СПб., 1909. 522 с.
- ОР РГБ** – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
- Русский биографический словарь, 1905** – *Русский биографический словарь*. Т. 22. СПб., 1905. 644 с.
- Сенюткин, 1866** – *Сенюткин М.Х.* Донцы. Ч. 2. М., 1866. 282 с.
- Volvenko, 2015** – *Volvenko A.A., Chebotarev A.P.* – "the Grey Cardinal" of Cossack Reforms of the Epoch of Liberation? // *History and Historians in the Context of the Time*. 2015. Vol. 15. Is. 2. pp. 106-114.

References

- Belinskii, 1953** – *Belinsky V.G.* (1953). Stikhotvoreniya Alekseya Leonova [The Poems of Alexei Leonov]. Complete works. Vol. III. M. pp. 231-234. [in Russian]
- Vospominaniya..., 1873** – *Vospominaniya starogo dontsa. Iz posmertnykh zapisok general-leitenanta Krasnova* [Memories of the old Don Cossack. From the posthumous notes of Lieutenant-General Krasnov]. *Voennyi Sbornik*. 1873. No. 12. pp. 363-380. [in Russian]
- GARO** – Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti [State archive of the Rostov region].
- Doncy, 2003** – *Doncy XIX veka* [Don Cossack of the nineteenth century]. Rostov-on-Don, 2003. P. 599 [in Russian]
- Zakharevich, 2005** – *Zakharevich A.V.* (2005). Donskie kazaki v boyakh s gortsami na Severnom Kavkaze na nachal'noi faze oboronitel'nogo perioda Kavkazskoi voiny [Don Cossacks in battles with mountaineers in the North Caucasus during the initial phase of the defensive period of the Caucasian War]. Rostov-on-Don. P. 220. [in Russian]
- Karasev, 1896** – *Karasev A.A.* (1896). Zapiska knyazya A.M. Dondukova-Korsakova o Zemle Voiska Donskogo [The note of the prince A.M. Dondukova-Korsakov about the Land of the Don Army]. *Russkii arkhiv*. Vol. 12. pp. 569-591. [in Russian]
- Korolev, 1991** – *Korolev V.N.* (1991). Starye Veshki. Povestvovanie o kazakakh [Old Veshki. The story about the Cossacks]. Rostov-on-Don. P. 464 [in Russian]
- Korshikov, Korolev, 2001** – *Korshikov N.S., Korolev V.N.* (2001). Istorik Dona V.D. Sukhorukov i ego «Istoricheskoe opisanie Zemli Voiska Donskogo» [Historian of the Don V.D. Sukhorukov and his "Historical description of the Don Host Oblast"]. Sukhorukov V. D. Historical description of the Don Host Oblast. Rostov-on-Don. pp. 7-18. [in Russian]
- Korshikov, 2005** – *Korshikov N.S.* (2005). «Literaturnye sobraniya» Sukhorukova [Literary assembly" of Sukhorukov]. Donskoy Vremennik. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2753&level1=main&level2=articles> (date of access: 03.03.2019) [in Russian]
- Krasnov, 1875** – *Krasnov N.I.* (1875). Aleksei Vasil'evich Ilovaiskii, ataman Voiska Donskogo [Alexey Vasilievich Ilovaisky, Ataman of the Don Cossacks]. *Russkaya starina*. Vol. XII. pp. 701-718. [in Russian]
- Krasnov, 1884** – *Krasnov N.I.* (1884). Tyazhkie grekh Bulavina (iz vremen tsarya Alekseya Mikhailovicha) [The grave sin of Bulavin (from the time of tsar Alexei Mikhailovich)]. Novocherkassk. P. 24 [in Russian]
- Krasnov, 1909** – *Krasnov P.N.* (1909). Kartiny bylogo Tihogo Dona [Pictures of the last Tikhii Don]. SPb. P. 522 [in Russian]

OR RGB – Otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi bibliotek [Department of manuscripts of Russian state library].

Russkii biograficheskii slovar', 1905 – Russkii biograficheskii slovar' [Russian biographical dictionary]. Vol. 22. SPb., 1905. P. 644 [in Russian]

Senyutkin, 1866 – *Senyutkin M.Kh.* (1866). Dontsy [Don Cossack]. Ch. 2. M. P. 282. [in Russian]

Volvenko, 2015 – *Volvenko A.A.* (2015). Chebotarev A.P. – "the Grey Cardinal" of Cossack Reforms of the Epoch of Liberation? *History and Historians in the Context of the Time*. Vol. 15. Is. 2. pp. 106-114. [in Russian]

Донской казак на рубеже эпох: петербургский дневник И.И. Краснова (1819 г.)

Артем Юрьевич Перетяtko ^{a, b, c}*

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Американская ассоциация историков, Вашингтон, США

Аннотация. И.И. Краснов был известным донским общественным деятелем, героем Крымской войны, одним из первых казачьих поэтов. Однако помимо этого, он является автором подробного дневника за 1817–1821 гг., уникального источника о быте и настроениях образованного меньшинства донских казаков в эпоху Александра I. Хотя факт существования этого дневника известен историкам, его подробный анализ доселе не проводился, и в статье предпринята попытка заполнить данную историографическую лагуну.

Автор показывает, что И.И. Краснов не соответствовал образу донского казака прошлых лет, характерному для консервативной историографии второй половины XIX в. Фигура императора не имела для него сакрального значения; религиозность И.И. Краснова была сильной и искренней, но достаточно свободной; искусство волновало его не меньше, а возможно, и больше военной службы; наконец, его отношения с девушками предстают далекими от целомудрия. В дневнике предсказуемо присутствуют симпатии к либеральным идеям, и он объясняет, почему в последующие десятилетия имперские власти пытались восстановить на Дону «патриархальность», с осторожностью относясь к развитию образования.

Ключевые слова: И.И. Краснов, донское казачество, традиции казачества, быт казачества, донская интеллигенция.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетяtko)